

ПАМЯТЬ О ВОЙНАХ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

MEMORY OF WARS IN THE CONTEXT OF NATIONAL IDENTITY

А.Ю. Бубнов

A.Yu. Bubnov

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, *alexandr-bubnov@mail.ru*
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia, *alexandr-bubnov@mail.ru*

Статья посвящена анализу основных подходов к изучению памяти о войнах в структуре национальной идентичности. Конструктивистский подход сконцентрирован на роли государства, в противоположность ему культурно-социологический подход рассматривает память о войнах как автономную область общественного сознания, которая формируется под влиянием универсальных образов. Демонстрируется формирование триумфальной и трагической памяти и динамика конкурирующих траекторий памяти в российском и европейском мемориальных контекстах.

Ключевые слова: память о войнах; национальная идентичность; историческая политика; мемориальная культура; Великая Отечественная война.

The article is devoted to the analysis of the main approaches to the study of the memory of wars in the structure of national identity. The constructivist approach focuses on the role of the state; in contrast, the cultural-sociological approach considers the memory of wars as an autonomous area of public consciousness, which is formed under the influence of universal images. The formation of triumphal and tragic memory and the dynamics of competing trajectories of memory in Russian and European memorial contexts are demonstrated.

Keywords: memory of wars; national identity; historical politics; memorial culture; the Great Patriotic War.

Коллективная память для больших сообществ – это преимущественно память о победоносных войнах, где война выступает как предельное испытание на прочность для государства и национального характера. Война была важнейшим фактором политогенеза и усиления коллективной идентичности с начала истории. Как отмечает Энтони Смит, «воспоминания и мифы о битвах способствовали постепенному оформлению чувства этнического или национального единства – будь то у древних греков после Марафона и Саламина, римлян после Канн и Замы, швейцарцев после Земпах и Моргартена, французов после осады Орлеана или англичан после победы над Непобедимой армадой» [1, с. 155].

Модернистское понимание нации, в целом преобладающее в современных общественных науках, связывает формирование современных наций преимущественно с Новым временем. Это, в свою очередь,

объясняется ростом влияния военного фактора в раннемодерных государствах. Именно война обеспечила взрывной рост расходов государственного аппарата и распространение государственного контроля на гражданское общество. Степень воздействия государства на общество в Новое время скачкообразно возрастает, и параллельно с этим возрастают технологии мобилизации лояльности общества в пользу государства. После эпохи классических революций войны стали рассматриваться как общее дело формирующихся классов-наций, что проложило дорогу к формированию современных национализмов.

Возникновение современного национализма относится к эпохе после Французской революции, сочетавшей освободительную войну новой нации против антифранцузских коалиций с многослойной гражданской войной внутри страны. Здесь мы фиксируем иной тип связи между памятью о войне и коллективной идентичностью. В отличие от войны триумфальной и освободительной гражданская война ведет не к объединению сообщества, а к его расколу, через который формируется новая нация. Французская революция дает пример того, как революционная власть мобилизует энтузиазм масс для защиты нации, возвращая боевой дух армии, которая отказывалась воевать за Старый порядок, а затем от обороны переходит к военному экспорту революции.

Связь исторической памяти и национальной идентичности в модернизме объясняется через конструктивистскую концепцию Бенедикта Андерсона, образы прошлого позволяют «воображению сообществ» создавать национальное единство. Однако происходит это чаще всего через прямое воздействие государства на коллективную память, что позже получит название исторической политики. В вопросе субъекта и основного источника формирования национальной идентичности конструктивистские концепции отдают безусловный приоритет государству.

Критики такой односторонней политизации процессов, происходящих в коллективной памяти, справедливо указывают на устойчивые факторы менталитета и политической культуры народа, не сводимые к деятельности тех или иных заинтересованных лиц. Как замечает Э. Смит по поводу игнорирования собственной воли коллективных сообществ: «Не потому ли, что государство было настолько всепроникающим и чуждым, зачастую угрожая традиционному образу жизни, что люди стремились обрести некое чувство общности *вопреки* государству?» [1, с. 161].

В этом пункте, на наш взгляд, и заключается две важных развилки изучения памяти о войне: государство или сообщество является основным источником коллективной памяти? И может ли тот факт, что современные нации не тождественны историческим представлениям о

самих себе, поставить под сомнение реальность их существования? Бернارد Як в своей работе «Национализм и моральная психология сообщества» резюмирует модернистскую критику «изобретения традиций» и опрокидывания современных представлений в прошлое и одновременно ставит под сомнение ее тотальность. «У нас есть все основания для того, чтобы разоблачать усилия, зачастую предпринимаемые нациями для углубления своей укорененности в прошлом, – весь нисходящий путь к этому роду малых, плотно интегрированных сообществ, соотносимых с понятием *Gemeinschaft*. Но нам необходимо смотреть, как бы не выплеснуть вместе с водой и ребенка. Из того факта, что нации заявляют ложные права на одну из форм межпоколенческого сообщества, не следует, что мы должны игнорировать тот род межпоколенческого сообщества, которым они на самом деле обладают» [3, с. 21]. Коллективная память, и, в частности, память о войне, основывается на межпоколенческих связях в сообществах, реальность которых пытаются отрицать модернисты, заменяя их технологиями конструирования исторической политики.

Выбор из двух парадигм будет определять характер исследования памяти о войне. «Подсвечиваем» ли мы манипулятивные практики власти, стремящейся поставить историю на службу политической конъюнктуре, или изучаем процессы выработки памяти как механизма межпоколенческих связей внутри сообществ?

Наиболее известной работой, рассматривающей память о войне в контексте эксплуатации ее националистическими и фашистскими режимами, являются «Павшие солдаты» Джорджа Моссе [4]. Память о войне целенаправленно конструировалась милитаристскими государствами, как своего рода гражданская религия, с соответствующей сакрализацией погибших за Родину и романтизацией военных подвигов. Моссе прослеживает этапы создания этого «мифа о войне» начиная с наполеоновских войн и до Первой мировой войны, которая стала рубежом для европейских обществ из-за резкого роста военных потерь и изменения отношения к войне. Военные кладбища, ритуалы, культ павших героев, все это, в конечном счете, служило одной цели, обеспечить в обществе поддержку государственного милитаризма. В целом, концепция Моссе является еще одним объяснением происхождения немецкого реваншизма, правда в этот раз на роль главного виновника назначается память о войне и сопутствующая ей традиция почитания героев.

Принципиально другой подход содержится в культурсоциологической парадигме. Память о войне играет центральную роль в кодировании культурных представлений об идентичности. Бернارد Гизен в работе «Триумф и травма» говорит о двух типах памяти о войне,

триумфальной и травматической, причиной которых является вторжение в повседневность человеческих сообществ мощных переживаний, сопоставимых с рождением и смертью [5]. Национальные сообщества, сталкиваясь с травматическим опытом войны как опытом смерти, сакрализуют его в ряде символических фигур. Гизен выделяет фигуры триумфального и трагического героев, а также фигуры жертвы и преступника, которые формируют национальную идентичность и память о войне. В зависимости от исхода и обстоятельств войны возникает память победителей и память побежденных. Для победителей центральную роль играет фигура героя-триумфатора, в то же время память побежденных будет тяготеть к жертве, и, в отдельных случаях, фигуре преступника. Так немецкая память целенаправленно конструировалась начиная с 60-х годов как память вины за Холокост. Такая конфигурация памяти подразумевала отсутствие фигуры героя, ее замену на фигуры преступника и жертвы. Это привело к массовому принятию вины за преступления нацистов и вытеснению из современной немецкой идентичности памяти о немецком народе как жертве мести союзников.

Можно утверждать, что кардинальные изменения, которые произошли с коллективной памятью современного Запада, связаны с изменением оценки двух мировых войн. Уже после Первой мировой войны под влиянием огромных потерь и «потерянного» поколения трагическая память стала вытеснять триумфальную. Так, важнейшая для Британии и стран Содружества коммеморация Первой мировой войны – День памяти павших – был учрежден в 1919 году, через год после окончания войны. Но ключевую роль в этом процессе сыграло осмысление опыта Холокоста. Порожденный преступлениями нацистов и бездействием европейцев, Холокост превратился в главный урок Второй мировой войны для европейских наций. Тенденция переноса акцентов с героев на жертвы, с триумфа победителей на негативные уроки войны становится основой новой общеевропейской конструкции памяти. Героизм и фигура героя стали рассматриваться западной гуманитарной наукой как социальный конструкт, нечто созданное социальными конвенциями и подлежащее пересмотру.

Современная российская память о Великой Отечественной войне, как важный элемент национальной идентичности, в значительной степени наследует традициям и нарративам, сложившимся в советский период. Если использовать модель Б. Гизена как общее объяснение, то в своей основе память о Великой Отечественной войне является триумфальной памятью. Она формировалась вокруг фигур героя-триумфатора и трагического героя. Фигура жертвы, напротив, находилась на периферии советской идентичности. Тема военных потерь, как правило,

ограничивалась общими цифрами и констатацией объективных условий затяжной войны с сильным противником. Пересмотр советского мифа был открыт в эпоху Перестройки и с тех пор достаточно интенсивно идет в исторической науке и массовом сознании. Трансформация памяти о войне в постсоветское время заключалась в частичном переносе акцентов с триумфальной составляющей на трагическую. В ходе экспертной и общественной полемики по трудным вопросам истории войны проблема военных потерь и ошибок командования была включена в новый нарратив о войне. Однако можно констатировать, что общая конструкция памяти о войне, унаследованная от СССР, осталась без изменений. Триумфальная память продолжает выступать ядром теперь уже российской идентичности, как народа, преодолевшего вызов войны на уничтожение. Другая сторона проблемы жертв войны – гибель мирного населения от карательных действий и вследствие этого – разрушения систем жизнеобеспечения. В советском нарративе говорилось о преступлениях оккупантов, но без формирования долгосрочной памяти о вине и ответственности конкретных государств и социальных групп. Причины такого подхода – отдельный вопрос, связанный в том числе и с нежеланием затрагивать болезненные темы коллаборационизма. Советский интернационализм требовал избегать национального вопроса и разжигания противоречий между советскими республиками. Отношения внутри советского блока также влияли на постановку вопроса о вине других народов и государств перед СССР. Так, население ГДР выводилось из-под ответственности за преступления нацистов через нарратив Освобождения, поддерживаемого советским руководством, согласно которому социалистическая Германия была наследником немецкого Сопротивления.

На фоне трансформаций, произошедших с европейской мемориальной культурой, советская и российская традиции памяти о войне с их триумфальностью и центральной фигурой победителя, начинают восприниматься европейцами как элемент исторической политики авторитарного государства, легитимирующего свою власть. Ряд публикаций в немецкой прессе, посвященных блокаде Ленинграда и результатам Прохоровского сражения, в полной мере отразил эту тенденцию. В частности, публикация немецкой журналистки Зильке Бигальке, в которой она рассуждает о необходимости отменить парад, посвященный 75-й годовщине снятия блокады Ленинграда. В статье она пытается одновременно и признать «преступления вермахта», и частично их переложить на советское руководство, и рассказать, как россиянам следует правильно чтить память жертв блокады [6].

Но есть и более широкий контекст, который позволяет иначе посмотреть на возрастание роли трагической памяти о войне и фигуры жертвы. Для современной России в высшей степени актуально повышение статуса трагической памяти о войне. Разумеется, не в противовес триумфальной, а как важный элемент современного подхода к коллективной памяти, отражающей реальный трагический опыт страны в XX веке. Достаточно указать на то, что аналогичного Холокосту комплекса вины перед советским народом в немецкой и европейской памяти не сформировано, что в свою очередь позволяет игнорировать советский вклад в разгром нацизма. Между тем Великая Отечественная война была чередой преступлений европейских народов против советского народа. В силу этого работа с проблемой жертв войны для России должна быть еще более актуальна, чем противостояние вызовам дегероизации. Мирное население, погибшее в оккупации от рук немецких войск и войск союзников Германии, убитое коллаборационистами и национал-сепаратистскими формированиями, пока еще остается для российской памяти о войне анонимной и безликой массой. Персонализация жертв и преступников той войны, создание новой конструкции памяти особенно актуально в эпоху войн памяти, когда обвинения в военных преступлениях сочетаются с требованиями символических и материальных компенсаций на государственном уровне. Все это показывает, что России еще предстоит создать новую инфраструктуру памяти и систему ритуалов, в которой триумфальная составляющая Победы будет уравновешена достойной коммеморацией памяти жертв.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Смит Энтони Д.* Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис, 2004.
2. *Як Б.* Национализм и моральная психология сообщества / пер. с англ. К. Бандуровского. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017.
3. *Mosse George L.* Fallen soldiers: reshaping the memory of the world wars. New York: Oxford University Press, 1990.
4. *Giesen B.* Triumph and Trauma. Boulder: Paradigm Publishers, 2004.
5. *Бубнов А. Ю., Комплев А. В.* Российско-немецкая война памяти: анализ современной онлайн дискуссии о Великой Отечественной войне // Наука. Общество. Оборона. 2020. Т. 8, № 2.